

ЕСЛИ ВЕСЬ МИР ЗАБУДЕТ ТВОЕ ИМЯ,
ОСТАНЕШЬСЯ ЛИ ТЫ СУЩЕСТВОВАТЬ?

ТАМ, ГДЕ
ЗАКАНЧИВАЕТСЯ
ИМЯ

ТОМ I

ПАМЯТЬ — ЭТО НЕ ВСЕГДА СПАСЕНИЕ.
ИНОГДА ЭТО ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧТО МОЖЕТ УБИТЬ.

18+

sooyoung sin

Там, где заканчивается имя

<https://litres.ru/74339627>

SelfPub; 2026

Аннотация

В тот год зима пришла в Лиор на девятнадцать дней раньше срока. Сначала это показалось странностью, потом - дурным предзнаменованием, а затем и вовсе люди начали забывать.

Элиан Вейр первым замечает, что из города исчезает женщина, которую он ещё вчера знал. Её заведение теперь пустое помещение, но стоит на прежнем месте и никто не помнит ни её имени, ни лица, ни того, что когда-либо там продавался хлеб. Кроме него.

Пытаясь понять, что происходит, Элиан встречает Каэля - незнакомца, который смотрит так, словно они уже встречались. Не однажды.

Чем дальше Элиан ищет ответы, тем сильнее рушится привычная реальность. Старые записи противоречат друг другу, фотографии меняются, а воспоминания начинают вести себя так, будто принадлежат не прошлому, а чему-то, что ещё только должно произойти.

И среди всего этого остаются вопросы.

Что случится с человеком, если однажды мир забудет его имя?

А что, если найдётся тот, кто всё равно его помнит?

Содержание

Вступление	4
Глава 1	5
Снег помнит первым	5
Глава 2	26
Город, который ничего не помнит	26
Г	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

sooyoung sin

Там, где заканчивается имя

Вступление

До того, как нас забыли.

Есть вещи, которые человек должен забыть, и не потому, что они были страшными. Иногда наоборот, потому что некоторые воспоминания слишком дороги, чтобы оставаться в мире.

Глава 1

Снег помнит первым

В тот год зима пришла на девятнадцать дней раньше срока, грубо взломав календарь. Город содрогнулся от этого вторжения. Споры вспыхивали в каждой подворотне и затихали только к ночи, оставляя после себя горький осадок недоумения. Одни божились, стуча себя кулаками в грудь до синяков, что снег выпал четырнадцатого ноября. Другие с пеной у рта доказывали, что уже тринадцатого вечером видели белую кромку на крышах северных домов. Старики на Рыночной площади утверждали, что подобного не случалось с тех пор, как замёрзла старая река. А городской летописец, которому было положено знать такие вещи лучше остальных, поднял архивы и хрипло объявил, что зима в этом городе вообще не должна была начинаться до первого декабря.

Элиан Вейр не верил ни одной из этих дат. Ему не нужны были свидетели или записи в книгах. Он помнил этот снег физически, до зуда в зубах и спазма в затылке. Помнил, как первый хлопок белого света сорвался с серого неба и опустился на рукав его пальто. До сих пор, стоило закрыть глаза, слышал, как рядом оглушительным звоном разносился колокол на башне Святого Астера, хотя до назначенного часа

оставалось ещё несколько минут. В нос бил густой запах дыма, исходившего из труб домов, смешанный с ароматом тёплого хлеба из булочной на углу и лошадь с неровным белым пятном на морде, которая трижды нервно ударила копытом по мостовой, прежде чем хозяин дёрнул поводья.

И ещё глубже в памяти осталась мысль, что белая пелена в тот день казался неправильным. Будто появилась не там, где должна была.

Элиан стоял посреди площади, запрокинув голову так сильно, что кожа на горле натянулась. Он наблюдал, как небо медленно опускается на город всей своей тяжестью. Снег шёл крупный, тяжёлый, похожий на клочки сырой ваты. Не кружился в привычной пьяной зимней суете, не метался от ветра и не лип к камням или крышам. Хлопья падали медленно, друг за другом. Одна особенно крупная снежинка уселась парню прямо на ресницы. Элиан тяжело моргнул, и та мгновенно осела каплей холодной воды, прокатившись по щеке.

- Неправильно, - выдохнул он и облачко пара растворилось в воздухе.

- Что именно? - раздался голос из-за спины.

Элиан не обернулся, узнав этот голос сразу. Это была Мира. Её голос всегда звучал так, будто она застала парня за чем-то подозрительным и уже заранее решила, что тот виноват во всех смертных грехах.

- Снег, - ответил Элиан, не опуская головы. Шея уже по-

немногу начала ныть от напряжения.

Мира подошла ближе. Скрип её кожаных сапог прозвучал неуместно громко. В утреннем сером свете лицо Элиана казалось немного резче, чем обычно. Ему было двадцать лет, хотя люди, впервые встречавшие его, нередко давали ему на несколько лет больше. Причиной тому был слишком внимательный взгляд для человека, который ещё не успел научиться не замечать лишнего.

Элиан был высоким, а в движениях не было тяжести, наоборот, он двигался легко, почти небрежно. Светло-русые волосы, чуть длиннее, чем требовала аккуратная городская мода, постоянно падали ему на лоб и приходили в беспорядок от первого же порыва ветра. Несколько прядей сейчас уже покрылись мелкими снежинками.

Глаза были необычного серо-зелёного оттенка. Издалека порой казались и вовсе просто серыми. Но при хорошем свете в них проступал янтарный цвет - особенно заметный, когда Элиан злился или смеялся. Мира однажды сказала, что именно глаза выдают парня раньше всего. Когда он пытается казаться равнодушным, они всё равно продолжают смотреть слишком внимательно. На подбородке у него проходил тонкий шрам. Небольшой, почти незаметный, особенно если не знать, куда смотреть. Сам Элиан давно перестал его замечать. Он получил этот шрам несколько лет назад и не особо любил рассказывать, откуда именно.

На нём было тёмное шерстяное пальто, слишком простое

для человека, который получал жалование, и тёплый свитер цвета старого графита. Перчатки Элиан, как обычно, держал в кармане, хотя на улице уже давно было достаточно холодно, чтобы их надеть.

Мира однажды сказала, что он способен замёрзнуть на смерть исключительно из принципа. Тогда Элиан ответил, что холод полезен для характера - закаляет сталь. Она же назвала это самым глупым оправданием, которое когда-либо слышала от мужчины. С тех пор Элиан использовал его каждый раз в случаях, когда забывал перчатки дома назло здравому смыслу.

Остановившись в полушаге слева, Мира подняла лицо к небу и тоже несколько секунд смотрела вверх, щуря слезящиеся от белизны глаза.

- И что же со снегом не так? - наконец спросила она, выдыхая слова вместе с паром.

- Он должен был прийти позже, - глухо отозвался Элиан.

- Ты разговаривал со снегом? - в её тоне прорезалась насмешливая сталь.

- Нет.

- А сейчас?

Элиан повернул голову, встретив взгляд Миры с терпеливым разочарованием учителя, объясняющего очевидное безнадежному ученику. Девушка была чуть ниже его ростом, худощавая, с узкими плечами и густыми тёмными волосами, которые обычно собирала на затылке, но сегодня ветер успел

вытащить несколько прядей из причёски. Ей было двадцать один, и она выглядела моложе своих лет до тех пор, пока не начинала спорить. В такие минуты её лицо становилось удивительно собранным, а тёмно-карие глаза - почти чёрными. На переносице у неё была едва заметная россыпь веснушек, которую она терпеть не могла и всегда пыталась скрыть, хотя Элиан никогда не понимал почему - эти золотые точки делали её лицо живым.

На ней было длинное серое пальто, застёгнутое до самого подбородка, тёмные брюки и высокие сапоги, уже покрытые снегом. А вокруг шеи был намотан тёмно-зелёный шарф, который девушка прошлой зимой получила в подарок от брата и с тех пор носила так, будто он был военным оберегом. На левой щеке у Миры осталась маленькая, ровная снежинка. Элиан чуть скосил глаза и указал на неё подбородком.

- У тебя снег.

- Спасибо, ценитель метеорологии, -фыркнула она, даже не пытаясь смахнуть влагу, - но я вообще-то рассчитывала услышать объяснение.

- Чего именно? - он снова уставился на падающие хлопья, которые теперь казались единственным нормальным явлением в сошедшем с ума мире.

- Почему ты стоишь посреди площади и гипнотизируешь небо взглядом, которым обычно смотришь на гнилые овощи на рынке. Будто оно лично тебя оскорбило.

Элиан задумался, машинально засунув озябшие руки глу-

боко в карманы брюк, сжимая и разжимая пальцы.

- Возможно, оно действительно меня оскорбило.

Мира метнула изумлённый, почти возмущённый взгляд на парня, а после перевела на серое месиво над городом, словно ища там признаки божественного хамства.

- Ты сейчас серьёзно? - её брови поползли вверх.

- Нет.

- Иногда я забываю, что с тобой нельзя начинать разговоры раньше девяти утра, - выдохнув произнесла Мира, потирая виски.

- Сейчас почти восемь, - не отрываясь взглядом от медленного танца белых точек, заметил Элиан.

- Вот именно! - возмутилась она и слегка толкнув парня локтём в бок.

Губы Элиана дрогнули вопреки воле, растягиваясь в слабой улыбке. Мира покачала головой, но уголки её губ тоже едва заметно поднялись. Они знали друг друга слишком давно, чтобы каждый разговор начинать с осторожностью и вежливостью. Мира могла позволить себе раздражаться, шипеть, а Элиан в свою очередь мог позволить себе молчать, глядя сквозь неё. Оба прекрасно понимали, что ни первое, ни второе не означает желание уйти.

Город Лиор никогда не просыпался сразу. Сначала начинали лениво дымиться трубы, потом со скрипом открывались первые ставни. Затем на улицы вываливались торговцы, волоча за собой тележки, шаркали метлами дворники, про-

носились мальчишки-разносчики, едва не роняя кипы газет, и брели сонные служащие, которые шли к административным кварталам, пряча посиневшие от холода носы в воротники пальто. Лишь после этого город тяжело дышал и начал шуметь.

Рыночная площадь занимала сердце Лиора. В обычные дни здесь было настолько тесно, что двое незнакомых людей могли несколько раз столкнуться плечами, обменяться раздражёнными взглядами, пройти мимо друга друга и уже через несколько минут снова оказаться рядом.

Сегодня снег приглушал всё. Звуки становились ватными мягкими, а шаги теряли свой обычный шорох. Даже голоса словно теряли остроту - слова больше не резали воздух, а вязли в нём.

Старые дома окружали площадь плотным, давящим кольцом. Нижние этажи занимали лавки и мастерские, выше, нависая над улицей, теснились квартиры с тусклыми желтыми окнами. Над крышами возвышалась башня Святого Астера - самая высокая постройка в центральной части города, молчаливый страж времени.

- Колокол опять спешит, - подметил он, взглянув на часы и кивнув на башню.

- На сколько? - поинтересовалась Мира, аккуратно схватил его за рукав пальто чуть выше запястья, чтобы лично глянуть время. От её пальцев сквозь шерсть пробежал чужой холод.

- Две минуты сорок семь секунд.

- Ты действительно засёк? Зачем? - удивилась девушка, щурясь.

- Даже не знаю, - Элиан пожал плечом, отстраняясь.

- Ты вообще когда-нибудь делаешь что-то просто так? - спросила Мира, скрещивая руки на груди и поёжилась от порыва ветра.

- Иногда, - немного подумав, произнес Элиан, наблюдая как пар изо рта растворяется в воздухе.

- Например?

- Разговариваю с тобой, - поймав прямой, исподлобья, взгляд собеседницы, тихо проговорил он, позволяя уголкам губ дрогнуть в улыбке.

- Это было почти мило, - спустя минуту молчания, с усмешкой ответила она.

- Почти?

- Не привыкай, - тут же отрезала она, отворачиваясь, но уголок её рта все еще предательски дёрнулся вверх.

Элиан уже было открыл рот, чтобы съязвить в ответ, но взгляд его снова намертво приклеился к снегу. Одна крупная снежинка упала ему точно на центр раскрытой ладони, но не растеклась прозрачной слезой. Мира заметила, как парень вдруг нахмурился, залегшая между бровями глубокая складка перечеркнула его лоб.

- Что теперь? - настороженно спросила она, проследив за его взглядом.

- Ничего.

-Элиан!

- Я сказал, ничего, - слишком резко бросил он, сжимая ладонь в кулак, будто боясь спугнуть невидимое насекомое.

- Ты так говоришь только тогда, когда это что-то... - начала заводить Мира, подаваясь вперёд. Не успела Мира закончить фразу, как Элиан перебил:

- Снег холодный.

- Это обычно его основное качество, дурак, - слегка замахнувшись рукой для шутливого подзатыльника, но так и не ударив, процедила она.

- Нет, - голос Элиана стал глухим.

- Он холоднее, чем должен быть. Ледяной пустотой обжигает кожу.

- Что это вообще значит? - нахмурилась Мира, переставая играть в раздражение.

- Не знаю.

И это был первый раз за утро, когда Элиан сказал правду без попытки спрятать её за шуткой или равнодушием.

Мира подметила это, но не стала расспрашивать. Рано. Вместо этого она постаралась просто перевести тему, приотпывая замерзшими сапогами.

- Ты собираешься что-нибудь купить? - спросила она, когда они уже дошли до края площади.

- Хлеб.

- У Лорен?

- Конечно, ты ещё спрашиваешь.
- Ты ведь знаешь, что дома есть хлеб, тогда зачем мы идём туда?
- Мира закатила глаза.
- Сегодня она печёт яблочный пирог, - мечтательно протянул Элиан, втягивая ноздрями воображаемый аромат.
- Откуда ты знаешь?
- Вчера вечером при встрече у фонтана сказала.
- Я же была с тобой! - возмутилась Мира.
- Да, но не слышала ни слова, потому что яростно спорила с тем тощим мальчиком, который продал тебе открытки.
- Он пытался продать мне открытку с кривым котом три монеты! Это грабёж!
- Она была красивой. У кота были выразительные глаза.
- Она была перевёрнутой вверх ногами! - всплеснула руками Мира.
- Это был художественный замысел.
- Элиан! Ты опять защищаешь идиота!
- Я защищаю искусство, - с абсолютно серьёзным лицом заявил он.

Мира не смогла удержаться от смеха - звонкого, искреннего, от которого на её щеках проступили ямочки. Элиан любил эти моменты. До боли в груди любил, но никогда не признавался себе в этом, прячась за маской скучающего циника, но любил.

Человек редко понимает, какие именно мгновения стано-

вятся важными. Обычно они кажутся совершенно обыкновенными, проходными. Разговор о хлебе. Спор о перевёрнутом коте. Снег. Чужой смех. Шарф, который постоянно сползает с плеча девушки. А потом проходит год, десять, вся жизнь, и память почему-то выбирает именно эти мелочи. Не большие события, не торжественные обещания перед алтарём, а пустяки. Ведь жизнь почти никогда не предупреждает человека о том, какой момент он вспоминает в последний раз, судорожно цепляясь за уходящее сознание.

Булочная находилась на углу Рыночной улицы. Вернее, должна была находиться. Элиан увидел место раньше, чем успел разглядеть знакомую вывеску, и остановился так резко, что Мира ткнулась носом в его спину.

- Что случилось? - выдохнула она, потирая ушибленный лоб.

Не ответив, Элиан разглядывал фасад. Там не было деревянной таблички Пекарня Лорен, расписных окон и яркого красного навеса. Была лишь старая, влажная от талого снега каменная кладка.

- Элиан? - позвала Мира тише.

- Она должна быть здесь, - прошептал он, делая шаг к стене и проводя по ней пальцами. - Булочная Лорен.

- Какая Лорен? - искренне нахмурилась Мира, оглядывая пустой угол.

- Весс, - проговорил Элиан медленно повернувшись к ней. Его зрачки расширились, поглощая остатки цвета.

- Я не знаю, - растягивая призналась она.

Он улыбнулся бледно, почти автоматически, одними губами.

- Очень смешно, Мира. Прекращай этот фарс.

- Я не шучу, - её голос дрогнул, - Клянусь могилой матери, я впервые слышу это имя.

Элиан подошёл к двери, коснувшись холодной ручки. Дернув её, дверь открылась. Внутри было темно.

- Элиан, пойдём, ты меня пугаешь, - Мира сделала осторожный шаг назад.

Но он уже шагнул внутрь. Девушка последовала за ним, ступая след в след. Помещение внутри было пустым, но не заброшенным. Именно это пугало больше всего, вызывая первобытный ужас. На полках стояли банки, на столе лежала мука, а в углу громоздились мешки с зерном. У стены висело кухонное полотенце, в печи дотлевали остывшие угли. Элиан медленно подошёл к столу, на котором стояла толстенькая чашка с ещё не полностью остывшем чаем.

- Она была здесь, - констатировал он. - Минут пять назад.

- Кто? - спросила Мира, поглядывая на недопитый чай, а затем на Элиона с нарастающим, липким беспокойством.

- Лорен.

- Элиан...

- Она была здесь, - повторил он, как заклинание.

- Я не знаю никакой Лорен! - почти выкрикнула Мира, обхватывая себя руками за плечи.

- Ты знаешь. - Элиан шагнул к ней, заставляя девушку вжаться спиной в стеллаж с жестяными коробками.

- Нет, - голос Миры упал до шепота. - Такое простое лицо невозможно забыть.

- Ты знаешь её!

- Нет, я бы помнила.

Повисло молчание. Оно было хуже криков, потому что он знал её достаточно хорошо, чтобы понять: Мира не лгала. Её мозг действительно выдавал пустоту. Девушка машинально поправила шарф, уже третий раз за последние десять минут. Когда она нервничала, всегда делала одно и то же - касалась пальцами его края, будто проверяла, действительно ли он всё ещё на месте.

Элиан медленно отошёл к дальней стене, где среди старых счётов висела небольшая фотография в простой рамке. Пожилая женщина с седыми волосами, собранными в пучок. Круглое доброе лицо, фартук в цветочек, широкая улыбка, обнажавшая золотой зуб.

- Это она, - проговорил Элиан, протягивая руку к стене.

- Я... - не закончила Мира, всматриваясь в снимок. Она подошла ближе, вытянув шею.

- Что?

- Мне кажется... - она прижала пальцы к виску, массируя его.

- Я её знаю. Определённо видела.

- Видишь? - парень почувствовал внезапное, горячее об-

легчение, хватаясь за фото, как утопающий за бревно.

- Нет, - ответила она, качая головой, - Я знаю само лицо, но не могу вспомнить, откуда оно взялось. Словно смотрю на призрака.

На обороте фотографии Элиан разглядел аккуратную надпись карандашом: Лорен Весс. 12 апреля.

- Ты помнишь её? - спросил он, не поворачиваясь.

- Нет, - закрыв глаза, тихо пробормотала Мира. - Совсем нет.

- Попробуй.

- Я пытаюсь! - воскликнула она, не двигаясь с места, её скулы болелели от напряжения. - Ничего. Пусто.

Элиан заметил странность на самом снимке. Была Лорен, банка с вишневым компотом, край стола... Но рядом с ней стоял ещё один человек. Молодой мужчина, чьё лицо оказалось грубо вырезано ножом. Не стёрто лезвием, а именно вырезано вместе с куском плотной фотобумаги, оставив неровную дыру. Парень провел кончиками пальцев по зазубренному краю бумаги.

- Кто это? - спросил он.

- Не понимаю, - ответила Мира взглянув вновь на фотографию и нервно передернув плечами. - Там никого нет.

- Здесь кто-то был, - проводя пальцем в обвод вырезанного лица, произнес Элиан.

С улицы донёсся звук колокола. Один тяжёлый, вибрирующий удар. Элиан машинально посмотрел на часы, но до на-

значенного часа осталось ровно две минуты. Он почувствовал холод, но не тот бодрящий морозец, который приносит снег.

К полудню они уже знали, что Лорен Весс никто не помнит. Сначала Элиан остановил старика Хольма, потом продавца рыбы, владельца лавки напротив и после почтальона. Каждый ответ был одинаковым.

- Какая Лорен? - переспросил старик, жуя беззубым ртом.

- Весс.

- Никогда не слышал.

- Булочная на углу.

- Там давно пустующее помещение, молодой человек. Лет десять стоит закрытым. - ответил он, а после покрутил пальцем у виска.

- Я покупал там хлеб вчера, - настаивал Элиан, чувствуя, как паника начинает сдавливать горло ледяной рукой.

- Вчера?

- Да.

- У кого?

Элиан замолчал. Он смотрел на свои ладони и понимал, что не может ответить. Не помнил, что именно купил, сколько заплатил и о чём говорил с Лорен. Он помнил только её имя. И это было хуже, хуже смерти, ведь память начала исчезать прямо внутри него.

Вечером Элиан сидел один в своей комнате, освещенной лишь догорающей свечой. Открыв страницу тетради, он мак-

нул перо в чернильницу и быстро, лихорадочно написал:

Лорен Весс.

Чернила слегка дрогнули, а после начали бледнеть, просачиваясь сквозь бумагу, пока не исчезли совсем. Элиан замер.

- Нет! - возгласил он, вскакивая, и, схватив перо, начал царапать столешницу.

Лорен Весс.

Чернила исчезли мгновенно, словно бумага их сожрала. Написал третий раз, вкладывая всю силу кисти, но на этот раз быстрее.

ЛОРЕН ВЕСС.

Последняя буква фамилии исчезла первой, обратившись в мокрую точку. Элиан вырвал лист, закинув в ящик стола, и откинулся на спинку стула, слыша, как бешено, заполошно стучит кровь в ушах. Поднявшись, он подошёл к окну. Снег продолжал идти, скрывая очертания мира. И вдруг серо-зелёные глаза задержались на фигуре замеченной на противоположной стороне улицы. Высокий, в черном пальто, тёмные волосы припорошены снегом падали прямо на лоб, закрывая часть лица. Вокруг него продолжалась жизнь: проходили люди, скрипели колёса повозок, продавец фруктов ругался с покупателем, ветер срывал снег с крыш. А этот человек стоял совершенно неподвижно и смотрел прямо на окно третьего этажа. Прямо на Элиана.

В голове парня острой вспышкой мелькнула безумная мысль: этот человек знает, что произошло. Элиан рванул

шпингалет, распахивая створки, и ледяной ветер ударил ему в лицо.

- Эй! Ты меня слышишь? - крикнул он, перегибаясь через подоконник.

Тот поднял голову и их взгляды встретились. Он никогда не видел этого парня, но каждая клетка тела завывала изнутри: нет. Это не первая встреча. Незнакомец развернулся и начал движение вдоль по улице, не ускоряя шаг. Элиан прихватил тетрадь с собой и мигом вылетел из комнаты, скатился по лестнице, чудом не сбив с ног соседку, и выскочил в ночь.

Он догнал его у старого моста, скользя по обледенелым ступеням.

- Подожди!

Парень остановился не сразу. Будто заранее знал, что Элиан его догонит, и просто ждал удара о свою спину.

- Ты следишь за мной? - тяжело дыша, спросил Элиан, хватая незнакомца за локоть. Тот медленно обернулся.

У молодого парня кожа казалась слишком бледной после долгого пребывания на морозе, а под глазами лежали тени, которые не скрывал даже рассеянный свет. Лицо было строгое: высокие и напряжённые скулы, прямой нос, тонкая линия губ. Но именно узкие и колючие глаза запомнились сильнее всего. Серые, холодные, усталые они блеснули в свете фонаря. Настолько знакомые, что Элиан почувствовал почти физическую боль в солнечном сплетении. И почему-то сразу подумал, что это несправедливо. Нельзя иметь такие глаза и

смотреть ими на человека так, будто ты уже однажды потерял его.

- Нет, мне лишь нужно было убедиться.

- В чём?

- Что ты всё ещё помнишь Лорен.

- Ты знаешь её? - ошеломлён Элиан, ослабляя хватку.

- Знал, - поправил мужчина. Голос у него был тихий, с лёгкой хрипотцой.

- Что значит знал?

- Теперь уже ничего. Особенно для всех остальных.

- Кто ты? - Элиан вцепился в отвороты его пальто.

Парень молчал, глядя поверх плеча парня.

- Как тебя зовут? - задал следующий вопрос Элиан, но уже не с любопытством, а с отчаянным требованием.

- Не спрашивай, - ответил незнакомец, отводя взгляд в сторону реки.

- Почему?

- Потому что ты уже однажды спросил.

- Когда? - Элиан почувствовал, как сердце пропустило удар, а потом ударило в рёбра с такой силой, что перехватило дыхание.

- Давно, - сухо бросил парень, пытаясь высвободить ткань.

- Я тебя не знаю, - прошептал Элиан, оседая.

- Ты знаешь меня, - твёрдо сказал незнакомец.

- Нет.

- Твоя память говорит тебе это.

- А тебе?

- Своей памяти я больше не доверяю, - чётко произнес неизвестный, смотря прямо в янтарные глаза .

- Тогда чему ты доверяешь?

- Тебе, - тихо произнес он.

- Мы друзья? - с надеждой, от которой самому стало противно, спросил Элиан.

- Когда-то, - бросил незнакомец, опустив глаза на истоптанный снег.

- А сейчас?

Тёмноволосый мужчина ничего не ответил. Элиан сделал шаг ближе, сокращая расстояние.

- Тогда всё же, скажи хотя бы своё имя.

- Каэль, - послышался тихий ответ. Но Элиан почувствовал его так, будто это слово произнесено прямо внутри его памяти. Каэль.

Он повторил:

- Каэль.

- Не нужно, - парень резко зажмурился, словно от удара.

- Не произноси моё имя так.

- Как?

Каэль открыл глаза и впервые Элиан увидел в них чистый, животный страх.

- Будто ты скучал по нему.

Элиан замолк. Снег падал между ними медленно, разделяя два времени.

- Я не помню тебя, - тихо сказал Элиан, опуская руки.
Каэль едва заметно горько улыбнулся одним углом рта.
- Я знаю.

- Тогда почему ты знаешь меня?
- Потому что я обещал. Обещал вернуться.

Элиан хотел спросить ещё сотни вещей, горло сводило от невыплаканных слов, но парень уже отходил, возвращаясь в пелену снегопада.

- Подожди. Мы ещё увидимся?

- Если повезёт, - ответил Каэль, остановившись, но не обернувшись. Его силуэт уже начал размываться.

- А если нет?

- Тогда тебе придётся меня забыть, - бросил он через плечо и окончательно растворился в белом мареве.

Элиан остался один посреди моста, пока снег постепенно заметал следы тяжёлых ботинок Каэля. Через несколько минут следов не осталось. Только имя. Каэль. Элиан достал из внутреннего кармана тетрадь, дрожащими руками открыв страницу и оставил запись. Чернила не исчезли, послушно легли на бумагу, но ниже, под его рукой, проступили другие слова, словно написанные невидимым паром.

Элиан Вейр.

И рядом, чуть правее: **СВИДЕТЕЛЬ НАЙДЕН.**

Элиан перестал дышать. Появилась третья строка, въедаясь в бумагу:

НЕ ДАВАТЬ ЕМУ ВСПОМНИТЬ.

А ниже - последняя, выведенная торопливым, рваным подчерком:

ОН УЖЕ ВСПОМИНАЕТ.

Парень медленно поднял голову, на другом конце моста никого не было. Только бесконечный снег. Он посмотрел на собственное имя и впервые в жизни испугался не того, что может забыть другого человека. Он похолодел от ужаса при мысли, что однажды утром может посмотреть в зеркало и не узнать отражение. Забыть самого себя.

Ведь человек может прожить жизнь без дома, без прошлого, погребённого под руинами, без любви, да даже без будущего. Но пока помнит своё имя - он всё ещё способен сказать: я существую. Пока буквы складываются в Элиан, он реален.

А что происходит с человеком, когда его имя исчезает? Элиан тогда не знал ответа. И возможно, именно поэтому тот первый неправильный снег остался в его памяти навсегда. Не потому, что выпал раньше срока. Не потому, что уютный город Лиор оказался к нему не готов. А потому, что этот снег был первым, кто начал забывать сущее, и единственным, кто всё ещё помнил правду.

Глава 2

Город, который ничего не помнит

На следующее утро город Лиор проснулся так, будто ничего не произошло. Это было первое, что насторожило Элиана. Не тяжёлый, влажный и уже начинающий сереть от городской копоти у обочине снег. Не пустая витрина на месте булочной Лорен Весс, где теперь висела криво приклеенная табличка СДАЁТСЯ. И даже не незнакомец с серыми глазами, назвавшийся Каэлем. Страшнее всего оказалась обычность.

Город проснулся вовремя. Колокол Святого Астера пробил семь раз - размеренно, с привычной паузой между ударами, которая позволяла звуку окатить площадь целиком, прежде чем начать новый отсчёт. Первый удар прокатился над крышами, второй отозвался эхом от каменной стены старого монастыря, третий растворился в утреннем тумане, оседающем на мостовой каплями воды. К последнему удару колокола Лиор окончательно вернулся к своей ежедневной жизни.

Где-то внизу хлопнула тяжёлая дубовая дверь пекарни. По брусчатке проехала телега зеленщика, нагружённая мешками с прошлогодней репой; лошадь фыркала паром, остав-

для тёмные пятна на белом полотне улицы. На соседней улице зазвенели металлические ставни скобяной лавки Хольма. Кто-то громко рассмеялся высоким женским смехом. Кто-то выругался вслед мальчишке-разносчику, едва не сбившему его с ног кипой газет. Некто опаздывал, а кто-то уже спешил на работу, прячась в шарфы.

В этом не было ничего необычного. Ни одной лишней ноты в симфонии утра. И именно поэтому Элиану хотелось разбить окно. Он стоял босиком на ледяных половицах, кутаясь в тонкую шерстяную рубашку, и смотрел вниз. Снег продолжал идти, но теперь он был нормальным. Вчера хлопья падали вертикально, слишком медленно, словно небо осторожно возвращало земле украденное время. Сегодня же всё подчинялось законам физики. Ветер гнал белые крупницы вдоль улиц, они крутились, сталкивались друг с другом, прилипали к карнизам и плечам прохожих. На мостовой уже появились грязные следы сапог и глубокие колеи от колёс.

Обычная зима. Обычный город. Обычное предательство памяти.

Элиан прикоснулся лбом к холодному стеклу. Он никогда прежде не замечал, насколько быстро человек способен привыкнуть к собственной реальности. Ещё вчера был уверен, что знает этот город до последнего камня в кладке фундамента. А уже сегодня впервые понял, что знал только поверхность - тонкий слой штукатурки на стене, за которой скрывается гниль.

Лиор был старым городом. Он вырос вокруг реки, которая теперь почти полностью скрывалась под массивными каменными набережными, стыдливо прячась от жителей. За последние три столетия город успел несколько раз перестроить самого себя, не меняя названий улиц. Здесь дома могли стоять на фундаментах пятисотлетней давности, сложенных из речных валунов, а люди спокойно проходили мимо них, не задумываясь, сколько чужих жизней закончилось за этими стенами. Город хранил следы всех. По крайней мере, Элиан всегда так думал. Но теперь уже не был в этом уверен.

Он отошёл от окна. Его высокая фигура, что постоянно задевала головой низкие дверные косяки в старых дома, на мгновение отразилась в тёмном стекле. Светло-русые волосы торчали во все стороны после беспокойного сна. Одна прядь упала на лоб, закрыв правый глаз. Элиан машинально убрал её назад резким движением ладони, но волосы тут же вернулись на прежнее место, повинувшись статике или сквозняку. Он раздражённо выдохнул облако пара.

Зеркало возле шкафа отражало лицо, которое Элиану принадлежало по праву рождения, но которое иногда рассматривал как чужое - молодое, но уже лишённое подростковой мягкости черт. Серо-зелёные глаза сейчас казались почти бесцветными из-за холодного утреннего света, льющегося сквозь стекло. На подбородке оставался едва заметный светлый шрам - след падения с крыши сарая пять лет назад. Он получил его давно и почти никогда не вспоминал о нём,

но сегодня почему-то восстановил в памяти. Провёл пальцем по старой коже, а после посмотрел на письменный стол.

Тетрадь лежала там. Открытая. Элиан подошёл, чувствуя, как деревянный пол неприятно холодит ступни. На странице всё ещё были четыре строки, написанные его собственным почерком, хотя сам процесс письма начисто стёрся из памяти:

Элиан Вейр. СВИДЕТЕЛЬ НАЙДЕН.
НЕ ДАВАТЬ ЕМУ ВСПОМНИТЬ.
ОН УЖЕ ВСПОМИНАЕТ.

Люди привыкли думать, что память хранит прошлое. Это удобная ложь, необходимая для того, чтобы каждое утро находить в себе силы встать с кровати. На самом деле память ничего не хранит. Она каждый раз заново создаёт человека, которого мы называем собой, собирая его из обломков вчерашних впечатлений, запахов и случайных фраз. Поэтому забыть чьё-то лицо - ещё не значит потерять человека. Иногда человек исчезает гораздо раньше. В тот момент, когда ты больше не можешь сказать, почему он был тебе дорог.

Элиан прочитал строки медленно. Потом ещё раз. Перевернул страницу. Пусто. Ещё одну. Пусто. Вернулся назад. Ничего не изменилось. Чернила высохли намертво, въевшись в волокна бумаги. Он взял перо. Несколько секунд держал его над бумагой, взвешивая тяжесть металла. А потом написал:

Лорен Весс.

Элиан ждал. Внутри него всё сжалось в тугой узел ожидания катастрофы. Но ничего не произошло. Имя осталось. Чёткое, чёрное, живое. Он нахмурился. Вчера оно исчезло сразу после написания, впитавшись в бумагу без остатка. Сегодня - нет. Парень коснулся букв кончиком пальца. Чернила были обычными - никакого свечения, никаких тайных знаков. Просто имя. Обычное человеческое имя, состоящее из звуков, которые язык произнес без усилия.

Элиан открыл ящик стола и достал вчерашний лист, вырванный из той же тетради. Положил оба рядом. На одном: Лорен Весс. На другом: девственная белизна, лишь слегка пожелтевшая от времени. Он почувствовал, как тошнота подступает к горлу. Почему правила меняются? Почему вчера мир стирал эту женщину, а сегодня позволяет ей остаться?

В этот момент в дверь постучали. Три удара. Ровные, уверенные. Мира никогда не ждала разрешения войти долго.

- Войдите, - сказал Элиан, мгновенно захлопывая тетрадь и бросая её в ящик стола.

Замок щёлкнул слишком громко. Дверь открылась и на пороге стояла Мира. Она держала две тяжёлые глиняные кружки, от которых поднимался густой пар.

- Доброе утро, - произнесла она буднично, словно приносила чай каждое утро всю их жизнь.

- Ты слишком бодрая для человека, который вчера столкнулся с невозможным, - заметил Элиан, принимая кружку.

Горячая керамика обожгла замершие пальцы.

- А ты слишком живой для того, кто почти не спал, - парировала она, проходя внутрь и ногой закрывая дверь. Её движения всегда были экономичными, почти бесшумными. В её внешности не было той хрупкости, которую иногда приписывают девушкам её телосложения. Наоборот, Мира производила впечатление человека, который способен идти дальше даже тогда, когда остальные уже решили остановиться.

- Ты положила мёд? - спросил Элиан, указывая пальцем на кружку.

- Положила. Ты каждый раз спрашиваешь одно и то же.

- Потому что однажды ты забыла, - закатив глаза произнес он.

- Один раз, - вздохнула Мира.

- Три.

- Один! - воскликнула она.

- Три, - констатировал парень.

- Ты специально провоцируешь меня с утра? - спросила подруга, со стуком поставив кружку на стол.

- Нет, но если получится, я не возражаю, - ответил Элиан с ехидной улыбкой.

Она сняла перчатки, бросила их на край стола и внимательно посмотрела на парня.

- Ты вообще спал?

- Да, - соврал он, делая глоток чая. Мёд действительно был на дне.

- Сколько?

Элиан сделал ещё глоток, выигрывая секунду.

- Достаточно.

- Элиан!

- Часа два, - признался он.

Мира закрыла глаза, провела ладонями по лицу, размывая остатки сна.

- Я так и знала.

- Я лежал, - добавил парень.

- Лежать и спать - разные вещи.

- Иногда нет.

- Иногда ты невыносимый человек.

- Иногда? - спросил Элиан придавая себе изумительное выражение лица.

Девушка открыла глаза и посмотрела на него с таким выражением, будто всерьез размышляя, стоит ли выплеснуть горячий чай на мужскую рубашку.

- Всегда, - вздохнула она. - Особенно когда пытаешься спрятаться за шутками.

Элиан улыбнулся, но улыбка вышла деревянной. Мира заметила это сразу. Её взгляд скользнул по его лицу, задержался на напряженной линии челюсти и опустился ниже. Она смотрела на стол.

- Ты всю ночь писал?

- Нет.

- Тогда что делал? - её голос стал тише. Шутливый тон

испарился, оставив после себя только тревогу.

Элиан помолчал, глядя, как чайники медленно опускаются на дно кружки.

- Пытался вспомнить.

- Лорен? - улыбка исчезла с лица Миры окончательно.

Элиан кивнул.

- Я тоже, - призналась она. Голос дрогнул. Мира повернулась к окну, сцепив руки за спиной. - Я помню вчерашнюю булочную. Дверь. Звонок над неё. Запах корицы... и печёных яблок. Краску на подоконнике, она была чуть облупившейся.

Девушка нахмурилась, прижимая пальцы к краю зелёного шарфа.

- А её? - спросил Элиан. - Лорен?

- Нет.

- Совсем?

- Нет, там была женщина. Помню её руки - тонкие, с коротко отстриженными ногтями. Помню, что на ней было светлое платье в мелкий цветок. Но лица... - она замолчала, качая головой. - Пустота.

- А имя?

- Имя помню. Лорен Весс.

Элиан медленно выдохнул воздух, который, казалось, забыл выпустить. Почему-то услышать это из её уст оказалось важнее, чем прочесть надпись в собственной тетради. Оно звучало извне. Значит, он не сошёл с ума. Пока.

- Скажи ещё раз, - попросил он.

- Зачем? - тёмные глаза сузились.

- Просто скажи.

- Лорен Весс.

Ничего. Имя осталось между ними. Обычное имя. Две секунды. Три. Пять. Элиан почувствовал облегчение, которое почти сразу сменилось новой, более глубокой тревогой. Если имя остается, почему исчезает сама женщина?

- Ничего не происходит, - констатировал он.

- А что должно происходить? - с недоумением спросила Мира.

- Не знаю. Вчера оно исчезло после того, как я записал его. Мира помолчала, кусая губу.

- А сегодня?

Элиан молча выдвинул ящик, достал тетрадь и положил перед ней раскрытую страницу.

- Сегодня осталось.

- Почему? Ты что-нибудь изменил? Видел кого-то?

- Человека, - взгляд парня метнулся к окну, а потом обратно к девушке, - Высокий. Тёмные волосы. Серые глаза. Мне кажется я его помню. Каждую деталь. То, как он сжимает кулак, когда злится. Но я не помню ни одного дня, проведённого с ним.

Мира побледнела.

- Его зовут Каэль, - тихо закончил Элиан.

Девушка застыла. Кровь отхлынула от её лица так стремительно, что веснушки на переносице стали тёмно-корич-

невыми.

- Почему ты назвал это имя? - прошептала она.

- Потому что так его зовут.

- Нет, - Мира прижала руку к груди, словно ей стало трудно дышать. - Я слышала его раньше.

- Где? - с надеждой спросил Элиан.

- Не знаю. Когда? - тоже не знаю. Мне снился человек... ночью. Я не видела лицо. Была лишь темнота, но слышался его голос.

- Что он сказал?

Мира посмотрела на парня. И на этот раз в её взгляде плескался настоящий, неприкрытый ужас.

- «Не возвращайся к нему».

Элиан почувствовал, как комната накренилась.

- Ко мне?

Она кивнула. За окном проехала телега. Жизнь города продолжалась, глухая к тому, что рушилось внутри стен этой комнаты.

- Ты видела что-нибудь еще? - хрипло спросил Элиан.

- Мост. Реку. Снег. И тебя, - Мира посмотрела на него слишком долго. - Старше.

Элиан почувствовал неприятный холод в затылке, спускающийся по позвоночнику.

- Насколько?

- Не знаю. Ты выглядел... уставшим. Будто нёс на плечах весь этот город.

- А что сказал я? - он подался вперед, ловя её взгляд. Мира опустила глаза на свои колени.

- Я не помню большую часть. Но последнее... Перед тем как прозвонил колокол и я проснулась, ты сказал ему... Каэлю, - Мира зажмурилась, пытаясь выдавить воспоминание. - «Если ты снова уйдешь, я больше не буду тебя искать».

Элиан не ответил. Воздух в комнате стал плотным, тяжелым. Он вдруг понял одну страшную вещь. Он не просто боялся вспомнить, а боялся, что уже начал. Что механизм разрушения запущен, и эти слова лишь первые шестеренки, пришедшие в движение.

Они вышли из дома ближе к десяти. Снег к этому времени усилился, превратившись в настоящую метель. Лиор оказался погружён в белое, ватное утро. Старые крыши почти сравнялись по цвету с низким небом. На каменных лестницах намело сугробы, которые дворники пытались сгрести железными лопатами в тяжёлые серые кучи. Уличные фонари ещё не погасли, хотя день давно наступил, и их жёлтый, болезненный свет казался лишним среди молочной белизны, поглощающей цвета.

Элиан шёл рядом с Мирой, засунув руки глубоко в карманы. Он почти не разговаривал. Город вокруг продолжал жить своей жизнью, шумной и равнодушной. Дойдя до вчерашнего места, Элиан остановился.

Там, где раньше пахло корицей и дрожжами, теперь находилось заколоченное помещение. Стекла были затянуты из-

нутри плотной черной тканью. На двери висела картонная табличка, пришпиленная ржавым гвоздем:

Помещение освобождено владельцем.

Дата. Сегодняшняя дата.

Элиан подошел ближе. Коснулся пальцами бумаги. Она была не просто холодной - она была мертвой.

- Всё происходит слишком быстро, - сказал он, не оборачиваясь.

- Что? - Мира остановилась в шаге позади него.

- Исчезновение. Булочная успела умереть, остыть и выставить тело на продажу меньше чем за двенадцать часов.

- Ты думаешь, исчезла только булочная? - спросила она очень серьезно.

- А что еще?

Мира оглянулась на улицу, на людей, спешащих по своим делам, плотно запахнувших воротники.

- Не знаю.

И это было хуже любого ответа. Потому что теперь они оба начали смотреть на город иначе. На людей. На вывески. На окна. Возможно, вчера здесь стояло здание, которого сегодня не было. Возможно, вчера этот старик продавал цветы, а сегодня никто не мог вспомнить его имени. Возможно, город не забывал прошлое. Возможно, он переписывал его. А если так, то вопрос был уже не в том, кого они потеряли. Вопрос был в том, сколько людей исчезло раньше, прежде чем кто-нибудь заметил пропажу.

Городской архив находился за площадью Святого Астера. Это было старое трёхэтажное здание из тёмного гранита. В отличие от большинства домов Лиора, оно почти не менялось за последние сто лет. Узкие окна-бойницы, тяжёлая дубовая дверь, потемневшая от времени и рук. На фасаде не было никакой яркой вывески. Только металлическая пластина, привинченная намертво:

ГОРОДСКОЙ АРХИВ.

Элиан любил это место. Возможно, потому, что книги казались ему честнее людей. У книги могла быть ошибка, опечатка, пропущенная страница. Но она хотя бы позволяла обнаружить эту ложь. Память человека была коварнее - не просто забывала, а умела убеждать тебя, что никогда ничего не было, заменяя реальные события удобными фантазиями.

Внутри пахло пылью, старой кожей переплётгов, мышами и железом - запахом старых печатных прессов. Слышался тихий шелест страниц и скрип гусиных перьев где-то в глубине залов. Элиан снял перчатки и растёр озябшие пальцы.

- Если мы найдем документы о Лорен, - сказала Мира, нарушая библиотечную тишину, - что это докажет?

- Что она существовала физически.

- А если не найдем? Что нам делать тогда?

- Тогда будем искать причину отсутствия.

- А если причины не будет? Если страницы просто вырезаны?

Элиан посмотрел на неё. Свет лампы снизу освещал его

лицо, делая тени глубже.

- Тогда я придумаю её.

- Ты понимаешь, насколько это звучит нездорово?

- Прекрасно понимаю.

- Хорошо, - Мира неожиданно улыбнулась, и эта улыбка разрядила напряжение. - Значит, ты всё ещё в порядке. Способность планировать безумие логически - твой главный признак жизни.

За столом сидел хранитель архива Орден. Он был худым и высоким, с совершенно седыми волосами, собранными в слабый хвост, и длинными пальцами музыканта. Ему было около семидесяти, хотя сам он утверждал, что точный возраст перестал иметь значение примерно в сорок пять. На нём был старый коричневый жилет поверх мятой белой рубашки. Он поднял глаза, щурясь через круглые очки.

- Элиан Вейр!

- Доброе утро, Орден.

- Смотря для кого, - со вздохом бросил мужчина.

- Вы всегда так встречаете посетителей? - запрокинув голову чуть на бок, поинтересовался Элиан с улыбкой.

- Только тех, кто приходит слишком часто и спрашивает о людях, которых не существует. Если ты пришёл искать неприятности, тогда можешь сразу пройти в дальний зал. Там их склад.

- Нам нужно найти человека, - полушёпотом произнес Элиан, кладя на стол лист бумаги.

Орден придвинул лист к себе, вглядываясь в имя. Лорен Весс. Старик не изменился в лице, но молодой парень подметил, как пожилые пальцы, лежащие на столешнице, на долю секунды сжались в кулак, впиваясь ногтями в дерево.

- Не припомню такую, - ровно сказал Орден.

- Она владела булочной на Рыночной улице, на углу.

- Там давно пустое помещение. Отличный склад, кстати. Сухой.

- Недавно там была булочная, - продолжил Элиан уперевшись рука в стол старика.

- Вы уверены? - Орден поднял взгляд. Очки блеснули, скрывая выражение глаз.

- Я покупал там хлеб несколько последних лет, - Элиан задумался, пытаясь заглянуть в собственную память, как в колодец, но дна так и не увидел.

- И вы оба помните лицо этой женщины? - Орден медленно снял очки и протёр их краем жилета, хотя стёкла были чистыми.

Элиан замолчал. Мира лишь посмотрела на него с сочувствием. Парень попытался вспомнить: светлые волосы, тонкие руки, испачканные мукой, белое платье, улыбку. Но лицо словно растворялось в кислоте, оставались только фрагменты, которые никак не складывались в целое.

- Не совсем, - признался он севшим голосом.

- Подождите, - бросил старик, поднимаясь и надевая очки обратно. Он ушёл в лабиринт стеллажей под провожающие

взгляды ребят.

- Он что-то знает. Его руки... Испугался?

- До мокрой одежды, - тихо ответила Мира.

Через несколько минут Орден вернулся с толстой книгой в кожаном переплете. Пыль поднялась облачком, когда он положил её на стол.

- Торговые реестры центральной части.

Он раскрыл нужную страницу, водя пальцем по строчкам. Элиан и Мира склонились над ней. Нашли улицу, номер дома, а после замерли. Напротив адреса значилось: «Помещение не используется с 8 марта 1792 года. Законсервировано.»

- Нет, - выдохнул Элиан, нависая над столом. - Какая здесь может быть ошибка? Я ел там хлеб!

- Я не говорю, что вы врете, - мягко поправил Орден. - Я лишь пытаюсь показать, что вы должны быть осторожнее с тем, что называете воспоминанием.

- Вы знаете, что происходит? - Мира нахмурилась.

Старик долго молчал, глядя куда-то сквозь стену.

- Я знаю достаточно, чтобы понимать: некоторые вопросы лучше оставлять без ответов.

- Расскажите, - в оба голоса произнесли ребята.

- Не могу, - закрыл книгу Орден. Звук получился гулким, окончательным. - Некоторые вещи становятся реальнее, когда их называют вслух. Назвать болезнь - значит признать её существование. Назвать шторм - значит дать ему право разрушать.

- Имена? - Элиан посмотрел на него в упор. - Что вы знаете об именах?

- Больше, чем хотел бы. И значительно меньше, чем должен, - Старик замер. Это было едва заметно - лишь легкое оцепенение плеч. - Возвращайтесь домой, молодые люди. Выпейте горячего вина и забудьте про булочную. Города терпят здания чаще, чем вам кажется.

- Тогда почему неделю назад, когда я принес вам на подпись прошение, вы сказали мне не записывать своё имя в официальных документах лишний раз? Вы сказали: «Имя - это крючок, парень. Чем больше ты оставляешь следов, тем легче за него ухватиться».

Мышца на щеке Ордена дернулась. Мира резко повернулась к Элиану.

- Ты ему говорил? Про тетрадь?

- Нет.

Орден посмотрел на карман Элиана, где лежала кожаная обложка. И впервые за всё время выражение его лица изменилось. Не страх. Хуже - холодное, абсолютное узнавание хищника, встретившего другого хищника в своих владениях.

- Покажите тетрадь, - потребовал он. - Я хочу увидеть, что именно вас нашло.

Элиан медленно достал её и открыл на нужной странице. Лицо Ордена стало бледнее мела библиотекарей, работающих в подвалах, вовремя прочтения. Он протянул дрожащую руку и коснулся пальцем последней строки.

ОН УЖЕ ВСПОМИНАЕТ.

- Значит, началось, - В глазах архивариуса больше не было усталости чиновника. Была древняя, выжженная дотла боль. - Я надеялся, что этого не произойдёт снова. Никогда.

- Снова? - сердце Элиана пропустило удар. - Что было в прошлый раз?

- Я не могу вам рассказать. - Орден отвел взгляд, посмотрев на свои руки. - Иначе тогда я должен буду назвать имя.

- Чьё?

Орден ничего не ответил. Он просто смотрел на Элиана, и в этом молчании читался приговор. Старик боялся не самого звука имени, а того, что произойдет в мире в наносекунду после его произнесения.

Элиан и Мира вышли из архива почти через час. Снег слепил глаза. Старик ничего больше не сказал, лишь замер за ними дверь на два оборота ключа. Но перед этим, когда Мира уже спускалась по лестнице, он схватил Элиан за локоть костлявыми пальцами.

Если встретите человека, которого помните сердцем, но разум отказывается назвать, - прошептал он, дыша запахом трав и пыли, - не спрашивайте его имя. Ведь, возможно, он ждёт именно этого вопроса, чтобы закончить то, что начал когда-то.

На улице было холоднее. Ветер усилился, швыряя снег в лицо горизонтально. Мира долго молчала, пряча нос в шарф.

- Ты понимаешь, что старик только что сказал. И всё равно

собираешься спросить?

Элиан посмотрел вперёд, на другой конец площади. Там, под навесом закрытого цветочного ряда, стояла неподвижная фигура. Чёрное пальто, тёмные волосы, серые глаза - Каэль.

- Да, - твёрдо сказал Элиан.

Каэль стоял спокойно, словно ждал именно их появления из дверей архива. Он был высоким, почти одного роста с Элианом, но между ними существовала странная разница в пространстве. Элиан казался человеком, который привык двигаться навстречу миру, раздвигая его плечами. Каэль же - человеком, который слишком давно научился ждать, пока мир придет к нему и рухнет к ногам.

Ему было около двадцати двух лет. Тёмные волосы намокли и потяжелели от снега, несколько прядей прилипли ко лбу. На правой брови виднелся небольшой светлый шрам, уходящий под челку. Но сильнее всего запоминались глаза. Серые, почти того же оттенка, что зимнее небо над Лиором. Только в них не было пустоты.

Каэль смотрел на Элиана, не на Миру. Только на него, прямо, не мигая. И Элиан внезапно почувствовал, что этот взгляд ему знаком.

- Это он, - тихо сказала Мира, останавливаясь.

- Ты уверена? - спросил парень глядя на девушку.

- Нет. -Пауза. Она нахмурилась, прислушиваясь к чему-то внутри. -Да.

Мира подалась вперед, и это простое движение словно сдвинуло невидимые пласты воздуха. Каэль заметил её движение и что-то мгновенно изменилось в его лице. Сначала размытое, неоформленное детское удивление. Потом - короткая, острая вспышка боли. Такая быстрая, что обычный человек списал бы её на порыв ветра. Но Элиан успел её увидеть. Она отразилась в серых радужках, как тонкая и при этом болезненная трещина во льду.

Мира замерла, глядя в него с вызовом, который едва скрывал тревогу.

- Мы были знакомы? - её голос прозвучал глухо, но настойчиво.

- Да, но не здесь, - отозвалась высокая фигура, не глядя на девушку.

- Где же? - она не дала ему уйти от ответа.

Каэль опустил взгляд на свои ладони, словно пытался найти на них ответы, а затем снова поднял голову. Снежинки оседали на тёмной одежде, не желая таять, будто холод исходил от самого человека.

- Там, где больше ничего нет, где время остановилось, - Поднялись серые глаза, в которых читалось тяжёлое, почти удушающее раскаяние. - Я умолял тебя забыть. Только так ты могла выжить.

Элиан почувствовал, как внутри закипает раздражение - горячее, едкое, оставляющее во рту привкус горечи. Сжал челюсти так, что заболели скулы. Он не выдержал и шаг-

нул вперед, резко сокращая дистанцию. Теперь их разделяли считанные сантиметры, и отступить юноша явно не соби-
рался.

- Хватит загадок! Ты знаешь, что происходит с городом?
Говори!

- Не могу, - вытягивает из себя парень, сжимая пальцы
левой руки в кулак.

- Не можешь или просто боишься? - процедил Элиан.

Каэль ответил ему вымученной, почти призрачной улыб-
кой. В ней не было ни капли тепла, только бесконечная,
выматывающая усталость человека, который слишком долго
нёс непосильную ношу.

- И то, и другое, - Каэль впился взглядом в серо-зелёные
глаза, изучая с такой проницательностью, что Элиан начал
чувствовать себя неловко, обнаженно под этим рентгеном. -
Если правда откроется раньше срока, ты сгоришь.

Мира судорожно вдохнула, и этот звук эхом отозвался в
тишине улицы. Элиан почувствовал, как кровь отливает от
лица.

- А если я уже знаю?

Лицо Каэля мгновенно окаменело. Улыбка исчезла с ли-
ца, словно её отрезали ножом, оставив после себя лишь хо-
лодную пустоту.

- Значит, - выдохнул он, - я опоздал.

- Кем ты приходишься мне?

На этот вопрос Каэль не ответил сразу. Он смотрел на

Элиана так, словно пытался найти правильное слово в языке, словаря которого больше не существовало.

- Тот, кто однажды должен был тебя убить.

Мира побледнела так сильно, что веснушки проступили на фоне кожи черными точками. Элиан почувствовал, как всё внутри него словно провалилось в ледяную шахту. Сердце ударило в ребра один раз - тяжело, больно.

- И почему не убил? - голос Элиана прозвучал хрипло, чужой.

Каэль опустил взгляд на свои ботинки, стряхивая налипший снег.

- Потому что ты попросил меня остаться.

В глубинах сознания Элиана что-то надломилось - невидимая плотина, сдерживавшая поток чужих, рваных воспоминаний. Перед глазами вспыхнул старый деревянный мост, прогибающийся под тяжестью снежного шквала. Он почувствовал, как чьи-то пальцы впиваются в предплечье с такой яростью, будто пытаются удержать его краю пропасти. В нос ударил резкий, почти притворный запах железа - кровь на светлой ткани. Боль, острая и всепоглощающая, на мгновение стала реальнее, чем окружающий мир.

Элиан судорожно выдохнул, возвращаясь в реальность. Фантомное жжение в руке ещё пульсировало, когда парень встретился взглядом с Каэлем. Тот не сводил с него глаз.

- Ты вспомнил? - голос Каэля прозвучал тихо, но в гуле бурана он показался Элиану оглушительным.

- Нет, - Элиан сглотнул, чувствуя, как пересохло в горле.
- Ничего.

- Лжёшь! - отрезал Каэль, делая шаг вперёд. - Тогда почему ты побледнел? Почему твоя рука дернулась? Ты прижимаешь левое плечо, хотя отголоски боли идут с права. Ты выдаешь себя, даже не осознавая этого.

Элиан хотел возразить, но слова застряли в горле. Каэль подошёл совсем близко. Снежная пелена, казалось, отсекала их от остального мира, оставив в узком кругу напряжения. И тут Элиана накрыло странное озарение: он вдруг начал замечать детали, которые не должен был знать о незнакомце. Как Каэль нервно сжимает кулак левой руки, до хруста кожи в перчатке. Как отводит взгляд вправо, когда пытается спрятать истинные чувства. Как задерживает дыхание, прежде чем сказать что-то, что причиняет ему самому боль. Это знание не было логичным, оно было вшито в его подкорку. Каждая клетка тела кричала, что это правда.

- Я бы не просил врага остаться, - пробормотал Элиан, пытаясь ухватиться за здравый смысл, как за спасательный круг.

Каэль сократил дистанцию до предела.

- Поэтому я никогда не был твоим врагом.

Мира, стоявшая за спиной, подала голос:

- Тогда кто ты?

Каэль перевел взгляд на неё, но промолчал. В этом молчании было больше веса, чем в любом признании. Люди так

любят давать всему определения: друг, враг, брат, любовник. Но есть связи, для которых не придумали названий. Человечество называет их дружбой, чтобы не пугаться глубины, или ненавистью, чтобы оправдать невыносимую близость. Но порой имени просто нет, и именно это делает связь по-настоящему опасной.

Каэль развернулся и ушёл, не попрощавшись. Он просто растворился в толпе площади, поглощенный снегом. Элиан смотрел ему вслед, пока спазм холода не заставил пошевелиться.

- Ты ему веришь? - спросила Мира. Её голос звучал глухо через ткань шарфа.

- Нет, - ответил Элиан. - Но я ему верю.

Мира нахмурилась, не понимая, но Элиан лишь прижал руку к груди. Логика кричала об опасности, но внутри что-то безоговорочно принимало слова Каэля как истину.

Вечер в Лиоре наступил стремительно. Город превратился в декорацию к заброшенному спектаклю: фиолетовое небо, темные силуэты прохожих, жёлтые пятна фонарей на снегу. Вернувшись домой, мысли Элиана были заняты лишь Каэлем. Голос. Взгляд. Слова.

Потому что ты попросил меня остаться.

Но почему? Когда? Где? И почему юноша чувствовал, что это не единственный раз, когда они встречались в точке взаимного уничтожения?

В комнате было холодно. Элиан зажег масляную лампу. Свет лёг на стол мягко оранжевым кругом. Он долго не открывал тетрадь, грея руки над стеклом, и смотрел на неё, прежде чем вывести:

Лорен Весс - человек, которого забыл город.

Затем, подметив, добавил:

Каэль - человек, которого помню я.

Он остановился. Стер написанное про Каэля и написал иначе:

Каэль - человек, который помнит меня вместо меня.

Подумав, приписал:

Мира - человек, который видит его в своих снах.

Элиан отложил перо и посмотрел на свои записи. В самом низу, чётким, почти высеченным почерком, он вывел единственный вопрос, на который не было ответа:

Что произошло между нами?

Бумага молчала. Лампа тихо потрескавала, не давая ответов, лишь подчёркивая пустоту в комнате.

- Конечно, - пробормотал он с горькой усмешкой.

Он уже собирался закрыть плотную кожаную обложку, убрать её в ящик и лечь спать, притворившись обычным человеком, когда его пальцы замерли в дюйме от стола. Что-то было не так. Элиан медленно опустил руку на колени и впился взглядом в последнюю строку своей записи.

Чернила дрогнули. Это был не сквозняк - пламя лампы оставалось ровным и неподвижным. Это была не усталость

глаз - он потер их костяшками пальцев до боли, но буквы продолжали плыть. Они двигались медленно. Вязко, словно чернила под бумагой превратились в густую, холодную смолу, которая не желала подчиняться законам письма. Казалось, кто-то водит пером с той стороны листа, продавливая бумагу не видимой рукой сквозь толщу застывшего времени.

Ты уже знаешь.

Слова проступили прямо поверх его собственного вопроса, перекрывая угловатый почерк. Чернила были иссиня-чёрными, влажно блестящими, как свежая кровь. Элиан перестал дышать. Он сидел абсолютно неподвижно, боясь спугнуть морок, но легкие горели огнём. Мышцы живота свело ледяной судорогой.

Следующая строка появилась быстрее. Буквы вытягивались одна за другой с мучительным, царапающим звуком, который Элиан скорее чувствовал позвоночником, чем слышал ушами.

Просто ты ещё не вспомнил, что именно.

Тишина комнаты стала плотной, осязаемой. Она давила на барабанные перепонки. Воздух внезапно похолодел настолько, что изо рта вырвалось облачко пара. Элиан попытался встать, оттолкнуться от сиденья, но тело отказалось слушать. Шея одеревенела. Он мог только смотреть, как перед ним разворачивается чужая воля.

Он всё-таки смог разжать сведенные челюсти и хрипло втянуть воздух. Звук показался оглушительным. Инстинкт

самосохранения ударил по нервам разрядом тока. Элиан резко откинулся назад вместе со стулом. Дерево проскрежета-ло по паркету, оставляя глубокие борозды. Перо выпало из ослабевших пальцев, покатилося по столу и беззвучно сва-лилось на пол, исчезнув во мраке.

Третья строка проявилась почти сразу. Чернила ложились жирным, глянцевым слоем, собираясь каплями у основания букв, готовые прорвать бумагу насквозь.

Первое имя исчезло вчера.

Элиан смотрел, не веря глазам. Логика трещала по швам, разум бился в истерике, пытаясь найти объяснение: хими-ческая реакция, фокус, безумие. Но глаза видели лишь пол-зущие строки. Ледяные иглы вошли под ногти, вонзились в кончики пальцев, заставив кисти рук побелеть. Холод под-нимался выше, к запястьям, выжигая вены. Чернила продол-жали свой неумолимый путь, вытягиваясь в слова:

Второе исчезнет завтра.

Он почувствовал, как горло перехватывает спазм паники. Завтра. Слишком скоро. Времени нет. Мира... Булочная... Каэль... Всё это должно раствориться к следующему закату?

А потом появилась последняя фраза. Она выводилась му-чительно долго, буква за буквой. Письмо прекратилось на секунду, оставив после себя зияющую дыру в тексте, а затем вывело финальное слово, вбивая его в сознание раскаленны-ми гвоздями.

Третье — твоё.

Элиан взревел. Это был животный, глухой звук загнанного зверя. Он вскочил, опрокидывая стул окончательно, и ударил ладонью по столу. Тарелка с остатками хлеба подпрыгнула.

- Хватит! - крикнул парень в пустой комнате, обращаясь к бумаге.

Дрожащими пальцами, которые больше не слушались, он схватил тетрадь за корешок и захлопнул её. Резко, зло, вложив в этот хлопок всю свою ярость и ужас. Взметнулось облачко старой пыли, оседая на губах и языке. Долго, бесконечно долго Элиан сидел неподвижно, тяжело привалившись к краю стола. Он слушал, как бешено пульсирует кровь в ушах - тяжелый, неровный ритм отбойного молота. Сердце пыталось проломить грудную клетку и сбежать.

Когда дрожь в руках немного улеглась, сменившись ватной слабостью, Элиан снова открыл её. Страницы были чистыми. Идеально, издевательски белыми. Все записи исчезли. Растворились без следа, будто их никогда не существовало. Не осталось ни вмятин от нажима пера, ни крошек чернил, ни масляных пятен. Только девственная белизна дорогой бумаги насмехалась над ним. Только на первой странице, титульной, где обычно пишут заголовки или имена владельцев, остался текст. Жирным, агрессивным почерком, процарапавшим самую суть страницы:

Элиан Вейр.

Он провел подушечками пальцев по своему имени. Мед-

ленно, от первой буквы до последней. Чернила были сухими и странно теплыми, словно бумага хранила жар печи, хотя лампа едва грела. Под кожей лба начала нарастать тупая, вибрирующая боль. И тогда он понял то, что заморозило его изнутри сильнее любого страха смерти. Смерть милосердна. У неё есть финал. Она оставляет за собой памятник, высеченное имя на камне, слезы близких, поминальную свечу. Она фиксирует факт существования человека в этом мире. Ты жил - вот доказательство. Вот точка.

Он боялся другого. В голове вспыхивали образы один страшнее другого, лишённые всякого пафоса, голые в своей бытовой жути. Энтропии. Полного стирания. Растворения личности в кислоте забвения. Что однажды он проснётся в залитой солнцем комнате, посмотрит на свои руки и не сможет понять, кому они принадлежат. Будет знать название каждого пальца, чувствовать вес кожи, но «Я» внутри будет мертво.

Что он спустится вниз, на кухню, где Мира пьет утренний чай... Мысль об этом пронзила грудь физической болью. Он увидел её лицо так четко, словно она стояла здесь: узкие плечи напряжены, тёмные волосы растрепаны после сна, вечно сползающий набок зелёный шарф, который ей велик. Он увидит эти черты, запомнит каждую ресницу, но мозг выдаст сухую справку: «Объект женского пола. Биологическая угроза отсутствует. Связь не установлена». И он увидит в её глазах ответное понимание - ту самую тревожную, глубокую

печаль человека, который смотрит на призрака и знает, что тот даже не подозревает о собственной смерти.

Что он встретит Каэля на заснеженном мосту через замерзшую реку, почувствует привычную, колючую тяжесть его взгляда, попытается возненавидеть его или броситься навстречу, но внутри будет абсолютная, звенящая пустота. Идеальная акустика гроба. Ни любви, ни вражды, ни памяти. Просто два силуэта в метели.

Что город продолжит существовать вокруг него, равнодушный и слепой. Люди будут спешить по делам, ругаться из-за цен на дрова, смеяться в подворотнях, согревая ладони дыханием. Колокола Святого Астера будут отбивать часы для тех, у кого есть завтрашний день. Снег будет укрывать крыши всё тем же толстым, пушистым слоем, замечая следы. А он сам постепенно станет человеком-фантомом. Ходячим мертвецом, которого никто не способен назвать по имени, потому что само Имя стерлось из ткани мироздания. Призраком, запертым в живом теле, которое продолжает есть, спать и ходить, просто по инерции брошенного камня.

Пальцы сами потянулись к перу. Оно казалось неестественно тяжелым, холодным и скользким в онемевших от холода пальцах. Элиан даже не заметил, как чернильная капля сорвалась с кончика стального пера - тяжело, медленно, словно ртуть - и расплылась жирной, траурной кляксой у самого края девственно чистого листа.

Его рука двинулась сама по себе, подчиняясь импульсу,

рожденному где-то глубоко под коркой черепа, там, где разум уже давно перестал хозяйничать. Перо процарапало бумагу, оставляя за собой рваный след.

«Если весь мир забудет тебя, я всё равно вспомню».

Янтарный глаза замерли. Рука упала на стол, глухо ударившись запястьем о дерево. Элиан смотрел на собственный почерк так, будто увидел ядовитую змею, свернувшуюся на белой скатерти. Неровные, острые буквы, хищно наклоненные чуть вправо, готовые впитаться в следующую строку. Эта фраза была его. Каждая линия кричала о принадлежности, каждая петля «р» дышала его привычной спешкой. Но он никогда её не писал.

Память отказывалась лгать. Он мог поклясться своей правой рукой, содрать кожу с пальцев до мяса, но остаться при своем: до этой секунды этих слов не существовало ни в одной тетради мира. Они возникли из пустоты, материализовались прямо из-под его пера, но источник был чужим.

Он перечитал фразу. Губы беззвучно повторили каждое слово вслед за глазами. Потом ещё раз. Медленно, ведя дрожащим пальцем по шершавой строке, чувствуя, как ноготь цепляется за ворс бумаги. И в глубине памяти, там, где разум уже возвел бетонную стену и залил её смолой забвения, что-то дрогнуло. По монолиту пошла тонкая трещина. Она начала крошиться.

Белый снег. Не такой, как сегодня - густой и липкий, а сухой, мелкий, секущий открытые щеки наждаком. Чёрное

небо без единой звезды, проглотившее луну. Мост. Старый деревянный настил над чёрной водой, припорошенный белым саваном. Доски угрожающе скрипят под ногами. Две руки, сцепленные мёртвой хваткой над пропастью между балками. Мир сузился до этого захвата. Одна - его. Пальцы побелели от напряжения, ногти впились в собственную ладонь почти до крови, пытаюсь удержать вес двух тел. Другая - Каэля. Горячая, пульсирующая жизнью, почти обжигающая сквозь мороз. И голос. Слишком молодой для таких страшных, окончательных слов. Слишком знакомый, чтобы быть забытым навсегда.

Если весь мир забудет тебя, я всё равно вспомню.

Нейронная связь замкнулась. Электрический разряд прошёл позвоночник сверху донизу. Элиан резко поднялся. Стул отъехал назад с оглушительным, царапающим паркет скрежетом, пронесшись добрую пару футов, прежде чем врезаться в ножку кровати и опрокинуться. Он тяжело дышал, загнанно, хрипло, разрывая легкие воздухом, которого внезапно стало мало. Вцепившись пальцами в край столешницы так, что затрещали суставы, а старое дерево застонало от давления. Его трясло крупной, неконтролируемой дрожью - мышцы сокращались против воли, выбивая дробь зубами.

- Нет... - выдохнул он в пустоту комнаты. Это было отрицание не написанного, но прожитого. Попытка оттолкнуть прошлое, которое только что проломило дыру в настоящем.

Он пошатнулся, отпустив стол, и прижал ледяную ладонь

ко лбу и виску. Кожа горела огнем, покрытая липким, болезненным потом. Воспоминание было слишком ярким, оно выжигало сетчатку изнутри вспышкой магии. Каждый нерв вопил от переизбытка ощущений. Оно длилось секунду, может быть, две - целую вечность сжатую в мгновение. А потом оборвалось. Исчезло, обрезанное невидимыми ножницами, оставив после себя фантомную боль в левой руке - память о том рывке над рекой - и металлический, соленый привкус крови во рту. Он прокусил губу изнутри, сдерживая крик.

Но ощущение осталось. Оно вибрировало под кожей. Тяжесть чужой ладони, намертво вцепившейся в его руку. Уверенность, которая бывает только тогда, когда знаешь наверняка, что это конец света или его начало, и третьего не дано. Когда понимаешь, что если сейчас разожмешь пальцы, то рухнешь не просто в воду. Ты рухнешь в небытие, откуда нет возврата. Элиан оперся бедром о стол, потому что ноги больше не держали. Он смотрел на тетрадь, на эту единственную строчку, и понимал, что война проиграна. Кто бы ни играл с ним, этот игрок только что перешел границу. Он начал возвращать долги кровью.

И тогда Элиан понял самое страшное. Фраза была сказана не сегодня. Не вчера. И даже не несколько лет назад, в те смутные годы юности, которые обычно стираются из памяти первым похмельем или первой настоящей потерей. Она принадлежала времени, которого он вообще не должен был помнить. Времени, которое кто-то методично и жестоко стер из

его личной истории, вырвав страницы с корнем, оставив эту единственную нить. Этот узел, который теперь затягивался на его горле тугой удавкой.

За окном мелькнула тень. Движение вниз, слишком быстрое для пьяного прохожего, бредущего от стенки к стенке, или позднего патруля городской стражи, тяжело переставляющего ноги в снегу. Элиан подошел к стеклу вплотную, до боли прижавшись лбом к ледяному кругу, оставленному его дыханием. На противоположной стороне улицы, прямо под тусклым, мерцающим светом фонаря, стоял Каэль. Без зонта. Без шапки. Воротник тяжёлого чёрного пальто поднят так высоко, что скрывал половину лица, но это не спасало от пронизывающего ветра - ткань уже покрылась жёсткой коркой льда. Снег ложился ему на тёмные волосы и плечи, оседая белой крупой. Он не ежился и не переминался с ноги на ногу, пытаясь согреться. Он просто стоял и смотрел прямо на окно Элиана. Сквозь стекло, сквозь метель, сквозь само время.

Элиан рванул шпингалет. Старый механизм лязгнул, протестуя, и форточка поддалась с трудом. Ледяной воздух ударил в лицо острой пощёчиной, швырнув в тёплую комнату горсть колючего снега. Пламя лампы испуганно затрепещало.

- Каэль!

Голос сорвался на хриплый крик, осипший от внезапного спазма в пересохшем горле. Тот не двинулся с места. Ни

один мускул на бледном лице не дрогнул. Казалось, уличный шум и ветер оглушили его настолько, что человеческий голос просто не способен пробиться сквозь барьер.

- Ты меня слышишь?! - закричал Элиан снова, высовываясь в проем чуть ли не по пояс, игнорируя впивающиеся в кожу иглы мороза.

Каэль медленно поднял голову. Движение было механическим, как у сломанной куклы. На таком расстоянии они не могли различить выражения лиц друг друга. Фонарь бил Каэлю точно в спину, выхватывая из тьмы лишь острые контуры плеч и падающий снег, а его собственное лицо оставалось в густой тени. Глаза превратились в две черные впадины, поглощающие свет. Но Элиан почему-то был уверен - знал каждой клеткой своего тела - что тот улыбается. Не радостно. Печально. Так улыбаются люди, которые только что получили окончательное, математически точное подтверждение тому, чего больше всего боялись всю свою жизнь.

Каэль развернулся. Сделал шаг в сторону тёмного переулочка между домами. И ушёл в снег. Не растворился в воздухе сизым дымом, не превратился в чёрную птицу, взмывшую к крышам. Он просто позволил метели поглотить свой силуэт за пару секунд.

Элиан смотрел ему вслед, всё ещё прижавшись разгорячённым лбом к холодному стеклу. Он не сразу заметил изменения. Только когда правый глаз начал слезиться от напряжения, размывая картинку, он увидел, что на внешней

стороне стекла появилась тонкая полоска инея. Она возникла из ниоткуда, вопреки теплу от лампы внутри комнаты и жаркому дыханию самого Элиана. Полоса медленно разрасталась. Сначала превратилась в идеально прямую линию поперек окна. Затем начала ветвиться, складываясь в угловатые, ломаные символы.

Элиан отступил на шаг, поскользнувшись на брошенном опрокинутом стуле. Дерево загремело по полу. Он выставил руку назад, упершись в стену, чтобы не упасть, не отрывая взгляда от надписи. На окне было написано морозным кружевом:

НЕ ДАЙ ЕМУ ВСПОМНИТЬ ПЕРВЫМ.

Элиан застыл. Воздух застрял в легких. Сердце пропустило удар, провалившись куда-то в живот, а затем забилось рвано, судорожно, где-то в районе кадыка, мешая вдохнуть. Он прикоснулся к стеклу пальцем. Холод обжег кожу сухим льдом. От тепла человеческого тела иней тут же покрылся каплями влаги и потек вниз грязными дорожками. Вместе с ним исчезла и надпись, превратившись в обычную мутную воду, стекающую на подоконник.

Но в этот момент Элиан понял одну вещь, от которой перехватило дыхание сильнее, чем от вида мертвых слов на стекле. Всё это время он ошибался. Каэль не пытался скрыть от него прошлое. Он не прятал правду, как вор прячет украденное золото. Он пытался защитить его от неё. Выставлял кордоны, сжигал фотографии, просил архивариусов

молчать. Это была не игра в тайны. Это была отчаянная, обречённая попытка удержать плотину перед цунами голыми руками.

И, возможно, именно поэтому всё происходящее становилось ещё опаснее. Стократ страшнее. Потому что человек, который скрывает правду ради собственной выгоды, может быть врагом. Его мотивы понятны, его можно переиграть, его можно заставить говорить. Но человек, который готов уничтожить истину, выжечь её калёным железом из реальности, принести в жертву факты и воспоминания ради твоего спасения... иногда становится гораздо страшнее любого монстра из детских кошмаров. Потому что ты никогда не узнаешь, какую невыносимую цену он платит каждую секунду за твой покой.

В ту же ночь, далеко от дома Элиана, в холодной комнате над типографией, где стоял удушливый запах свинцовой краски, дешёвого табака и вековой сырости, Каэль сидел за столом. Свет одинокой сальной свечи выхватывал из темноты лишь круг желтого света, оставляя углы комнаты во власти густых, шевелящихся теней. На столешнице перед ним лежала фотография. Старая. Пожелтевшая по краям до цвета старой кости. По периметру она была обожжена - черная кромка осыпалась пеплом на стол от одного неловкого движения руки или случайного сквозняка.

На ней стояли трое. Мальчик с растрепанными волосами и злой складкой у рта. Он смотрел в объектив так, будто

хотел его разбить. Девушка, пытающаяся выглядеть старше своих лет, с серьезным взглядом. И ещё один мальчик, стоящий между ними. Он держащий обоих за руки и при этом тянулся на цыпочках, чтобы казаться выше. Элиан. Мира. Каэль. Тринадцать лет назад.

Лица были моложе. Бесконечно счастливее. Но узнать их было невозможно не потому, что эмульсия выцвела от времени или пошла тещинами. Наоборот, потому что Элиан выглядел почти так же, как сегодня. Время обошло его стороной, запечатав в янтаре.

Каэль провёл пальцем по изображению лица Мира, едва касаясь глянца. Потом переместил палец на по своё собственное лицо - здесь он еще умел улыбаться так, чтобы это касалось глаз. Рука дрогнула. Парень перевернул фотографию. На обороте была дата, выведенная твердым детским почерком: *14 ноября*. Тринадцать лет назад. И ниже - фраза. Почерком Элиана. Тем самым агрессивным, ломаным шрифтом, буквы которого всегда падали вправо, готовые сбежать со строки: *«Если мы снова встретимся, не позволяй мне вспомнить тебя»*.

Каэль закрыл глаза. Сжал фотографию в кулаке так сильно, что стекло основы протестующе скрипнуло, грозя рассыпаться в мелкую пыль и искромсать ладонь. И впервые за долгие годы позволил себе произнести то, чего боялся больше всего, вслух. Голос прозвучал в тишине комнаты глухим приговором самому себе:

- Я не смог.

За окном шёл снег. Тот же самый, тяжелый и бесшумный, который липкими ошметками оседал на стёклах Элиана. Тот же снег, который когда-то падал на непокрытые головы этих троих детей на берегу замерзшей реки. Тот же снег, который, возможно, уже однажды стал молчаливым свидетелем их последней встречи, засыпав следы борьбы ровным и пролитой крови ровным, равнодушным белым саваном.

Каэль открыл глаза, заставил себя посмотреть на снимок снова, разжимая сведённые судорогой пальцы.

На фотографии лица Элиана больше не было. Каэль замер. Воздух в легких превратился в ледяной кристалл. Сердце пропустило удар. Парень медленно, неверяще провёл подушечкой большого пальца по бумаге. Там, где только что была знакомая ухмылка и дерзкий взгляд, осталась лишь девственная белизна картона. Пусто. Идеальная гладь. Элиан исчез с фотографии. Мира осталась. Её веснушки всё так же проступали сквозь зернистость старого снимка, а волосы выбивались из-под шапки. Каэль - тоже. Его фигура никуда не делась, хотя ему показалось, что края собственного силуэта стали чуть более размытыми, неуверенными. Исчез только центр их маленького мира. Стержень, на котором держалась конструкция.

Он медленно перевернул фотографию обратно дрожащими, обессиленными руками. На обороте дата всё ещё была на месте. Предсмертная просьба Элиана тоже никуда не де-

лась. Но теперь под ней появилось ещё одно предложение. Новое. Его не было секунду назад. Буквы проступали прямо сквозь бумагу, чернея на пожелтевшем картоне с тихим, едва уловимым треском сухого дерева в огне.

ПЕРВОЕ ИМЯ УЖЕ ИСЧЕЗЛО.

Каэль перестал дышать. Он смотрел на слова, чувствуя, как комната начинает медленно вращаться вокруг оси стола. Горизонт накренился. Свеча отбросила чудовищно длинную тень, похожую на виселицу.

Потом появилась вторая строка. Она выводилась мучительно долго, буква за буквой, выжигая саму ткань реальности и отсчитывая секунды чьей-то жизни.

ВТОРОЕ ИСЧЕЗНЕТ ЗАВТРА.

И последняя:

ТРЕТЬЕ УЖЕ НАЧАЛО ЗАБЫВАТЬСЯ.

Каэль закрыл лицо руками, опираясь локтями о жёсткое дерево. Костяшки пальцев побледнели. Свеча затрещала и выбросила струйку черного дыма, едва не погасла, но фитиль всё же удержался. Впервые за много лет парню стало страшно. Не за себя. За Элиана. Потому что теперь он понял то, чего не понимал даже вчера, стоя посреди площади под этим неправильным снегом. Это возвращение было не случайностью судьбы и не капризом древней магии, решившей поиграть с пешками. Кто-то не просто возвращал прошлое. Кто-то методично, шаг за шагом, воссоздавал их. Всех троих. Складывал пазл, который тринадцать лет назад они са-

ми разбили молотком, надеясь, что осколки никогда не соберутся воедино.

И если прошлый раз закончился тем, что один из них исчез физически, другой добровольно вырвал куски собственной души и памяти ради спасения друга, превратив свою жизнь в бесконечную пытку ядом воспоминаний, а третий остался помнить за всех, неся этот невыносимый груз в абсолютном одиночестве... То теперь у них не осталось права на ещё одну ошибку. Права на милосердие. Права на слабость.

Потому что на этот раз исчезнуть могло не имя. Имя - это лишь слово, набор звуков, условный ярлык, который можно сменить. На этот раз мог исчезнуть сам человек, который его носил. Плоть, кровь, тепло руки и ритм сердцебиения. А город даже не заметил бы этой потери. Колокола пробили бы полночь, телеги проехали бы по брусчатке, булочки открыли бы свои лавки, и жизнь продолжила бы течь дальше, смыкаясь над головой утонувшего, не оставляя на поверхности ни единого круга.

Колокола Святого Астера действительно пробили двенадцать ударов. Глубокий, вибрирующий звук поплыл над крышами Лиора, входя в резонанс со льдом на реке. И в тот же момент, откликаясь на этот зов, где-то в своей холодной квартире один человек резко проснулся в липком поту, хватая ртом воздух. Он знал, как держать ложку, как ходить, как завязывать шнурки. Но когда он попытался назвать себя мысленно, чтобы зацепиться за реальность и успокоить

панику, разум наткнулся на глухую кирпичную стену. Собственное имя показалось чужим набором букв, лишенным смысла и корня.

А где-то в другом доме, в промозглом архиве, куда Каэль приходил спать на жёстком клеёнчатом диване среди пыльных фолиантов, он впервые за тринадцать лет произнес это имя вслух. Шепотом, глядя в темноту потолка, где плясали тени от улмчного фонаря:

- Элиан.

И имя отозвалось. Не голосом. Не эхом от каменных стен. А чем-то гораздо более древним. Словно сама материя города, спящая под слоем булыжника и мерзлой земли, на мгновение содрагнулась и вспомнила то, что так долго и упорно пыталась забыть. Натянута струна лопнула. Тишина взорвалась звуком. *Элиан.* И вслед за ней, вибрацией отдаваясь в зубах и костях - *Каэль.*

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.